

ЭТНО Э МЕТОДОЛОГИЯ

*проблемы
подходы
концепции*

14

Этнометодология

теория, методология, концепции

Выпуск 14

Москва 2007

RUSSIAN MINISTRY OF CULTURE
RUSSIAN RESEARCH INSTITUTE FOR CULTURAL
AND NATURAL HERITAGE

Ethnomethodology: **problems, approaches, concepts**

Volume 14

Moscow 2009

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ
ИМЕНИ Д.С.ЛИХАЧЕВА

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции

Выпуск 14

Москва 2009

УДК 304
ББК 71

Редакторы-составители *А.А.Пископелъ*
В.Р.Рокитянский
Л.П.Щедровицкий

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 14
Сборник статей – М., 2009. – 146 с.

ISBN 978-5-86443-156-6

© Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, 2009 г.

Содержание Contents

От редакторов-составителей Editors' Foreword	6
О.И.Генисаретский. Будет ли у этничности будущее в современном мире? O.I.Genisaretsky. Will ethnicity have future in modern world?	9
<i>А.А.Пископпель</i> . Переговоры как коммуникативно- мыслительное пространство конфликта <i>A.A.Piskoppel</i> . Negotiations as a communicative-thinking space of a conflict	27
С.В.Соколовский. К критике политики мультикультурализма S.V.Sokolovskiy. On the multiculturalism policies critique	47
Глоссарий-хрестоматия понятий мыследеятельностной методологии	
Понимание	61
Рефлексия	91
Glossary and reader of thought-activity methodology Understanding Reflexion	

От редакторов-составителей

Тематика и проблематика статей 14-го выпуска «Этнометодологии» продолжает несколько традиционных для этой серии линий метапредметного обсуждения концептуальных предпосылок и ключевых категорий современной гуманитаристики.

Речь прежде всего идет о содержании категории культуры, ее значении и месте в структуре современного гуманитарного знания и соответствующих социо-культурных практиках. В этом выпуске предпринята попытка осмысления политической практики мультикультурализма с точки зрения современных критиков мультикультурализма и предлагаемых ими альтернатив.

Вопрос «Есть ли будущее у этничности?», обсуждаемый в рамках гуманитарно-экологической перспективы, тесно связан и с современными теориями этногенеза, и со способами ассимиляции феномена этнического в современной общественной жизни, и с разработкой соответствующих теоретических концептов как обеспечивающих такую ассимиляцию методологических средств.

Разработка организационной модели социального конфликта — еще одно традиционное для этой этнометодологической серии направление исследований и разработок.

Большая часть публикаций «Этнометодологии» опирается на идеи и подходы, которые развиты в Московском методологическом кружке (ММК). В этом выпуске продолжена публикация материалов, представляющих важнейшие категории и понятия этой традиции.

Editors' Foreword

Themes and problems of the 14th issue of "Ethnomethodology" continue several lines of meta-subject discussion of conceptual bases and key categories of modern humanitarian discourse that are traditional for this series.

What is at issue is, primally, the content of the category "culture", its significance and place in the construction of modern humanities and in relative socio-cultural practices. In this issue an attempt is made to understand the political practice of multiculturalism from the point of view of modern critics of multiculturalism and of alternatives proposed by them.

The question "Will ethnicity have future in modern world?" discussed within the humanitarian-ecological perspective is closely linked to modern theories of ethnogenesis, to ways of assimilation of ethnicity phenomena into modern social life, to development of corresponding theoretical concepts as methodological means to supply such assimilation.

Development of an activity-organizational model of a social conflict is one more research and development area traditional for this ethnomethodological series.

Large part of what is published in the "Ethnomethodology" is based on ideas and approaches developed in the Moscow Methodological Circle (MMC). Here the publication of materials presenting the most important categories and concepts of this tradition is continued.

В статье А.А.Пископпеля «Переговоры как коммуникативно-мыслительное пространство конфликта» обсуждается место переговорного процесса в структуре конфликтного взаимодействия. В качестве основной предпосылки используемого оргдеятельностного подхода к конфликтным явлениям выступает полагание, что конкретную целостность социального взаимодействия определяет его парадигматика, матрица сопряженных регулятивов («правил игры»). С точки зрения такого подхода основной задачей переговоров оказывается доопределение нерегулируемого и тем самым деструктивного противодействия до рациональных, конструктивных форм социального взаимодействия (сотрудничества или конкуренции). Такое доопределение предполагает введение в стандартную схему конфликта фаз рефлексивного выхода, превращающего эту схему из квазиестественной в оргдеятельностную, в которой фазы рефлексивного выхода выступают в качестве основных разделительных, и вместе с тем соединительных, звеньев конфликта как естественно-искусственного процесса.

В фокусе обзора С.В. Соколовского «К критике политики мультикультурализма» находятся проблемы теоретического, практического и идеологического характера, с которыми сталкивается политика мультикультурализма, реализуемая в различных странах, где существуют программы поддержки культурного многообразия. В обзоре кратко характеризуются различные концепции и модели мультикультурализма, используемые в них трактовки понятия «культура» и групповых прав, приводится современная критика этих моделей.

Материалы «Глоссария-хрестоматии понятий мыследеятельностной методологии» продолжают аналогичную публикацию в 8-м выпуске («Культура и ее поня-

In the article "Negotiations as a communicative-thinking space of a conflict" by A.A.Piskoppel the location of a negotiation process within the structure of a conflict interaction is discussed. The main premise of the activity-organizational approach to conflict phenomena used is a supposal that the concrete wholeness of a social interaction is determined by its paradigmatics, by a matrix of interconnected regulations ("rules of the game"). From the point of view of such an approach the main goal of negotiations is to redefine a counter-action which is not regulated and thereby destructive to make it a rational, constructive form of social interaction (co-operation or competition). Such redefining presupposes an introduction to a standard conflict scheme of phases of reflexive going out to transform this scheme from quasi-natural into activity-organizational one wherein the phases of reflexive going out come to be both dividing and connecting links of a conflict as a natural-artificial process.

Sergey Sokolovskiy in his review of the multiculturalism policies critique focuses on problematic issues of implementing various multicultural policies in a number of national contexts? as well as on theoretical issues, such as the particular concepts of culture and group rights that are being used in various theoretical models of multicultural societies.

Materials of the "Glossary and reader of thought-activity methodology" continue a similar publication in the 8th issue ("Culture' and

тийное окружение»). Составители продолжают искать оптимальные формы глоссарно-хрестоматийного представления концептуального арсенала методологии. Все статьи в рамках данного проекта представляют собой некоторое «приближение» — по мере продвижения в работе над архивом они будут редактироваться и пополняться новым материалом. Данная публикация посвящена «пониманию» и «рефлексии».

its conceptual surrounding). Optimal glossary and reader forms to present the conceptual arsenal of the methodology are being looked for. All articles within this project are a certain approximation; further they will be edited and supplied with new materials. This publication deals with “understanding” and “reflexion”.

О.И.Генисаретский

Будет ли у этничности будущее в современном мире?*

Уважаемые коллеги, члены студенческой и профессорской корпораций! Для меня большая честь выступать в стенах Чувашского государственного университета. И я очень признателен вам за возможность выступить перед столь высоким собранием!

Университет — традиционный социальный и культурный институт, веками работающий со знанием, деятельностью исследования и воспитанием тех, кто входит затем в мир мысли и познания.

Институциональная прикреплённость слова — в данном случае, мною говоримого, а вами слушаемого — крайне важная вещь, поскольку она задаёт жанр коммуникации, а через него определяет возможности взаимопонимания. Без ощущения институциональной уместности слова мало что можно понять в его содержании.

Из данных социологических исследований известно, что в нашем российском обществе наиболее авторитетны два института: армия и церковь. Авторитетны, несмотря на те бесчинства, что в них нередко творятся. Но социология почему-то умалчивает о том, какое место в институциональной структуре общества занимают академия и университет. А жаль, ведь наша страна имеет уже, как минимум, 300-летнюю университетскую и академическую историю! И нас с вами, как лиц, имеющих к знанию профессиональное и сословное отношение, не может не волновать, что же это за место такое. И каким должен быть стиль интеллектуального и коммуникативного поведения, чтобы он мог быть признан академически корректным?

Так вот, несмотря на то, что выбранная мною тема весьма актуальна политически (ибо касается ни много ни мало будущего этничности), я постараюсь говорить о ней как исследователь-гуманитарий.

Наше сословное дело — знать, сознавая степень достоверности своего знания. И верить, что в зависимости от того, как мы знаем об этом, знаемое дело будет далее, так или иначе, разворачиваться в опыте жизни. Но за то, как оно там разворачивается, во многом отвечают представители других институциональных структур, а наше дело — уметь правильно мыслить, достоверно знать и с радостью для себя познавать знаемое.

Тема мною сформулирована не без умысла с некоторой закрученностью: «Будет ли у этничности будущее в современном мире?». Ведь вроде бы «будет ли будущее?» — относится к будущему, к тому, чего еще нет; а в «современности» мы сейчас пребываем. Из этой уверенности я и хотел бы вас

* Источник: Архив проекта «Культурная столица» 2004.

ил Кант был прав, наверное), понятие пространства играет совершенно особую роль. Так уж получилось, что понятие пространства было развито сначала у древних греков как математическое пространство и потом в новое время как пространство природное, физическое. <...> Пространство есть не что иное, как наиболее свободная форма организации самой мысли и деятельности, ибо пространство создается, членился, организуется в целом актами человеческой деятельности и мышления. И в этом смысле оно неоднородно.

Оно гетерогенно, оно гетерархированно, каждый акт мысли и деятельности, по сути дела, создает свое пространство, но поскольку мышление и деятельность продолжают и рефлексия все время переходит с одного на другое и своим движением захватывает все, постольку оно должно быть собрано вместе. И понятие пространства дает нам возможность такой внешней, ничего не разрушающей и ничего не трансформирующей сборки, собирания, стягивания всего в одно. <...> Поэтому именно первый шаг и состоит в том, что задается та целостность, в которой положены все формы деятельности и ее организованности, то, на что обращается рефлексия.

Но это пространство гетерогенно, гетерохронно, гетерархированно. Оно непрерывно за счет однородности самой рефлексии, и в этом смысле мы свободны поворачивать наше зеркало куда угодно, и мы можем видеть все, и это «все» будет лежать в нашем пространстве. Поэтому неслучайно Кант говорил, что «пространство есть всеобщая форма трансцендентальной эстетики». Я вижу ошибку его позиции в том, что он здесь сводил это к восприятию. Я бы сказал, что пространство есть всеобщая форма рефлексии и специфично для рефлексии. Пространство это есть ее (рефлексии) особая форма.

Поэтому первая линия, которая должна здесь быть развернута, связана с развитием понятия пространства. Мы должны теперь ответить на вопрос, что есть пространство рефлексии, которое одновременно выступает как пространство нашего мышления, как пространство нашей деятельности. Именно здесь решаются проблемы дискретности и непрерывности, гетерогенности и гомогенности, временизации. Именно здесь мы должны определить возможные формы наших движений или развертывания рефлексии и, вместе с тем, формы организации этого пространства и процедур работы с ним.

И в этом плане я подчеркивал этот принцип бесконечной глубины рефлексии. Проходя сквозь какие-то границы вещиности или подпространств внутри этого пространства, рефлексия меняет формы своей организации, и мы, следуя за движением нашей рефлексии, можем перемещаться из пространств более высокого уровня в пространства нижележащие, в пространства следующего уровня и т.д. Важно только каждый раз представлять себе устройство этого своего рода лабиринта, сложной этажерки наших движений.

Отсюда важность категориальных определений всего этого. Нужен совершенно новый набор системных категорий, которые задавали бы нам организацию пространства. Я дальше буду рассматривать разные процедуры ра-

боты с этим пространством. Пока что мне важно в общей логике всего того, что я говорил, подчеркнуть: если мы имеем на схеме фигуру методолога и еще фигуры дизайнеров, управленцев и т.д., мышление которых должно быть организовано, первая проблема — это проблема самоорганизации методологии — через рефлексию, мышление. И средством такой первой организации методологической рефлексии является задание пространства методологической рефлексии, соорганизация его.

*

Есть разница между восточной и западной формами отношения к рефлексии, к ее организации. Если западная рефлексия организовывалась прежде всего в формах мышления и деятельности, ориентированных вовне, предполагала каждый раз захват других структур и организаций, то восточная рефлексия, развивавшаяся в условиях невероятно сложных устойчивых структур, была направлена на другое — на защиту индивида и личности от воздействия оргструктур. Но на защиту не за счет возвышения над этими оргструктурами для противоборства, политического или духовного противостояния, а за счет выработки абсолютной пластичности рефлексии. И, собственно, техника йоги есть особая форма такой организации рефлексии, когда рефлексия остается вроде бы организованной, но организованной в моментах ее свободы, т.е. неорганизованности, безразличия к содержаниям. Форма организации, все время обеспечивающая отказ от любой формы организации, пренебрежения к ней как незначимой для рефлексии.

В этом — основы ведаизма и буддизма. Это основной, по сути, принцип, и он очень четко фиксируется в представлении Бога. В ведаизме — Бога как сливающегося с космосом, с природой и осуществляющего себя там, и, наоборот, в буддизме — как сливающегося с личностью, воплощающегося только в ней. Это основная оппозиция ведаизма и буддизма, но обе формы обеспечивают полную свободу рефлексии.

(9)

Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология

Лекции. 1981

(Из архива Г.П.Щедровицкого. Т. 4. М., 2000)

[Задается вопрос:] что ты делал? <...> Что надо сделать, чтобы на этот вопрос ответить?

Оказывается, надо из позиции, где раньше производилось какое-то мышление в ситуации, выйти в рефлексивную позицию: посмотреть на себя, действовавшего, со стороны, представить себе, что, собственно, ты делал.

Кстати, тут есть одна большая тонкость. Мы, скажем, можем себе представить, что делали сами, каждый из нас. Но может быть и такой вопрос: что делалось в этой ситуации? И это будет другой вопрос. И нередко человек здо-

рово видит и знает, что он делал, но не видит и не знает, что делалось кругом. А иногда он видит, что делалось кругом, но совершенно не представляет себе, что делал он сам. Тут идут сложные перепады в работе сознания. Иногда он знает, как плохо действовали остальные, и совершенно не может себе представить, что плохо действовал он сам.

То, что мы называем «умом», «тонкостью» человека, определяется не структурой его мысли, а этой рефлексией. Мы говорим про одного, что он туп, а про другого, что он тонок и хитер. Древние греки называли Одиссея «хитроумным». Хитроумный Одиссей отличался от всех остальных тем, что у него была очень развита рефлексия. Вообще, это один из мощнейших индивидуальных психологических показателей человека — каково у него соотношение между сознанием мыследействия, т.е. сознанием, направленным на объекты его действия, и его рефлексивным сознанием, т.е. тем, как он себя видит и осмысляет.

Вот сейчас, когда я работаю, мое сознание все время как бы раздваивается или разтраивается. Прежде всего, я имею содержание, которое я должен вам изложить. Далее, я все время наблюдаю за аудиторией, причем выбираю несколько человек и стараюсь глядеть им в глаза. А какой-то частью своего сознания я все время наблюдаю за собой, контролирую, что и как я делаю, стараюсь представить себе, как это выглядит с вашей точки зрения, с вашей позиции. Поэтому работает несколько режимов одновременно. В том числе — рефлексивный режим контроля. Так вот, тонким, чувствующим человеком мы обычно называем того, у кого развита эта рефлексивная компонента и кто умеет видеть себя со стороны, четко понимать и знать, что он делает.

Но мало того, тут вообще начинаются удивительные вещи. Человек, например, может задать себе вопрос: как я выгляжу в представлении другого человека, как он ко мне относится? И, кстати, на этом построены многие человеческие действия и игры — военные и спортивные. Что происходит, когда нападающий выходит один на один с вратарем? Первое, что он должен сделать, — это обмануть того. Нападающий размышляет: «Он думает, что я сейчас буду бить в правый нижний угол, — значит, я сейчас ударю в левый». Другой ход: «Он думает в этот момент, что я думаю, что он думает, что я ударю в правый угол. Но ударю я в левый...». Нападающий уже учел не только то, что вратарь думает, но и что тот думает по поводу того, что думает он сам. И это оказывается реальным фактором в ситуации. Начинаются вот такие рефлексивные игры, рефлексивное управление, рефлексивная политика. Вводится понятие о рангах рефлексии: сколько этих «я думаю, что он думает, что я думаю».

И вот эта компонента, учитывающая ранги рефлексии, определяет то, что мы называем тонкостью ума человека в противоположность тупости. Бывают люди — крупные ученые, изобретатели, — которые очень много сделали и при этом очень тупы. Такой человек работает как паровоз. У него ситуации

никакой нет — есть программа, и он по ней движется. А что по дороге что-то произошло, что люди на него обиделись, — ему нет до этого дела, он себе крутит колесами. Другой, наоборот, — это тоже крайность — все время заботится о том, что про него подумает такой-то, что про него подумает коллектив, как он будет выглядеть. Все его действия «завязаны» на эти представления. И он в результате ничего не делает.

Поэтому нельзя сказать, что одна компонента хорошая, а другая плохая. Отнюдь. Они обе нужны. Человек иногда должен сознательно пренебречь всем тем, что о нем думают, если он в деле уверен, и дело это двигать. Но это тоже предполагает высокий уровень сознания. Ему нужно быть уверенным в своем деле, тогда он во имя этого дела даже готов идти на конфликт со всем коллективом.

— А как соотносятся рефлексия и абстрактное мышление?

До абстрактного мышления мы дойдем. Пока они никак не соотносятся. Рефлексия — это одно, а абстрактное мышление — другое, совсем другое. Я буду вводить абстрактное мышление, нарисую его на схемочках, и мы обсудим, что это такое.

Рефлексия в определенном смысле как раз является противоположностью абстрактного мышления.

Рефлексия — это умение видеть все богатство содержания в ретроспекции (т.е. обращаясь назад: что я делал?) и немножко в проспекции. Проектирование и планирование возникают из проспективной, вперед направленной рефлексии, когда человек начинает думать не «что я сделал?», а так: «представим себе, что я вот это сделаю и что дальше получится?». Такое проигрывание вперед, проспективная рефлексия, выливается дальше в планирование, проектирование, программирование и т.д. И это действительно, как вы отметили, будет соединяться с абстрактным мышлением. Но пока я до этого не дошел. <...>

Теперь я делаю важный шаг. Рефлексия может осуществляться по-разному.

Вот, скажем, сейчас я, с одной стороны, рассказываю вам нечто, а с другой — все время краем сознания слежу: что я рассказываю, как к этому относятся, как на это реагируют. Здесь рефлексивный план идет параллельно. Но он может быть отставлен, и я потом, придя в другую комнату, спрашиваю у других, у тех, кто в это время был в стороне, что я делал. И они мне начинают рассказывать, что я делал, что я говорил. Иногда я удивляюсь, говорю, что этого не может быть: «Неужто вот так вот это было?». Потому что иногда все сознание обращено на прямой план и рефлексивная компонента уходит. Когда человек эмоционально что-то переживает, у него рефлексивная компонента сужается. Он потом как бы «выйдет» из ситуации, подумает и скажет: «Что же я там делал? Неправильно я делал!». Но в тот момент, когда он это делал, он был так эмоционально заряжен этим, что весь был там, в ситуации. <...>

Итак, рефлексия — это представление в сознании того, что и как я делаю.

В этом смысле рефлексия есть противоположность абстрактного мышления, поскольку она, именно она, вычерпывает содержание деятельности. Рефлексия предельно конкретна. Как было, так я себе это и постарался представить — во всех деталях, нюансах.

— А если неправильно представил?

Бывает. Но в отношении рефлексии не годятся критерии правильности и неправильности. Кстати, именно про рефлексию мы говорим, что это-де мое представление, а это — ваше. У каждого свое видение, своя точка зрения. Рефлексия теснейшим образом зависит от опыта человека и от того угла зрения, под которым он видит каждую ситуацию. Рефлексия сугубо субъективна. Она субъективна и полна переживаний.

Причем, обратите внимание, то, как мы живем и как мы действуем, задается именно рефлексией. Рефлексия организует наше пространство и время. Я свою жизнь — скажем, взаимоотношения с какими-то значимыми для меня людьми — могу просматривать как кинофильм. Эпизоды, из которых складывалась жизнь, выстраиваются один к одному, образуют значимую линию моих отношений, причем то, что было в 18 лет, стоит перед моими глазами так, словно это было вчера. Именно рефлексия организует в конце концов наше видение собственной жизни, создает структуру нашей жизнедеятельности. Она делает большие пропуски, соединяет значимые моменты, эмоционально их окрашивает, привязывает одни «ленточки» к другим и пр.

Человек знает самого себя и свое действие через рефлекссию, в рефлексивном осознании. Кстати, отсюда следует, что богатство человеческого опыта определяется рефлексией, тем, насколько человек продумывает, что с ним происходило. И это есть, фактически, основная единица. Единицей является не действие, а действие плюс последующее рефлексивное продумывание, наше переживание: как я действовал и что происходило.

Посмотрите, как это разворачивалось у вас в работе. Вот мы здесь учинили эту самую игру. Возникают взаимоотношения, столкновения, еще что-то. Вы выносите из этого какие-то ощущения, переживания, впечатления. Потом идет то, что называется неигровой, клубной частью: вы выходите в курилку, начинаете обговаривать, обсуждать — что было, чего не было. Дальше продумываете это и приходите через день на занятия, прокрутив этот круг продумывания, рефлексии. И то, что происходило, скажем, в понедельник, в среду предстает для вас через рефлексивное продумывание.

Кстати, мы сейчас уже знаем, что гигантскую роль в этом смысле играет сон. Человек во сне, оказывается, много раз протаптывает этот путь. Поэтому, когда мы засыпаем, действий нет, а рефлексия, как показывают многочисленные психологические исследования, продолжает работать. Навязчивые сновидения разного рода — это работа рефлексии. <...>

Дело в том, что человек — это вообще такая система, которая все время превращает прошлое в будущее и будущее в прошлое. Мы все время работаем на связке того и другого.

Есть удивительные механизмы такого «проигрывания». Вот возник у меня какой-то конфликт с человеком, человек на меня обиделся, сказал мне ряд резких слов. А вообще-то мы друзья, и я не очень понял, чем это было обусловлено. И заноза у меня осталась, я время от времени к этому возвращаюсь. Что происходит потом? Я вижу сон, где продолжаю в резкой форме действия по отношению к этому человеку, и понимаю, что именно за эти не совершенные мною действия — те, которые могли бы быть совершены, если бы эта линия наших взаимоотношений продолжалась, — он на меня и обиделся. И я вдруг понимаю, на что он реагировал. Я этого не делал, но я шел к этому. А как я представил себе это? За счет процессов, идущих в подсознании.

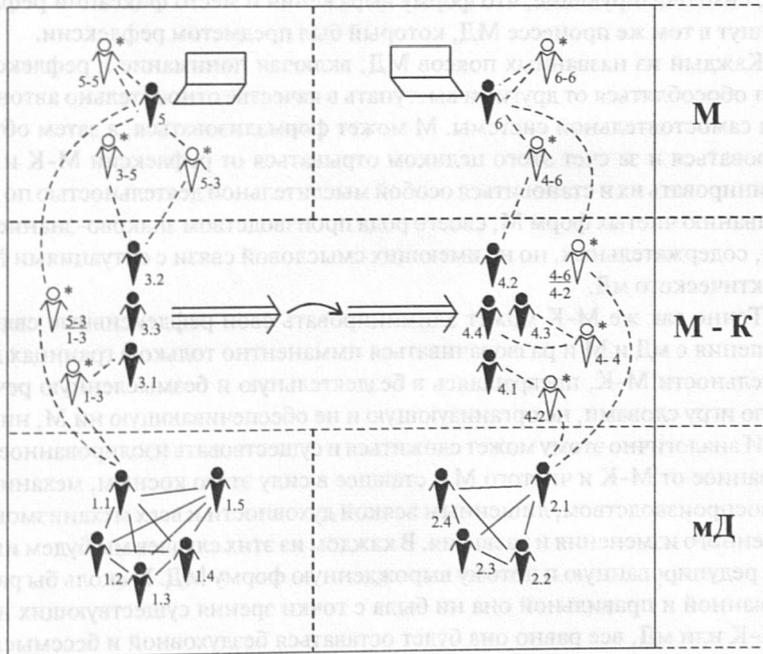
При этом можно, например, остановиться просто на понимании: вот я представил себе ситуацию и эту ситуацию оставил как бы бездейственной, в чистой рефлексии. Таким образом, может быть рефлексивное понимание, а может быть действенное понимание. Мы, кстати, боремся сейчас с нашей системой образования, поскольку она, как правило, ограничивается рефлексивным пониманием. Мы массу знаний получаем, «откладываем», а зачем они — неизвестно. Часто обучение сводится к следующему: я лекцию прочитал, семинарские занятия провел, мне студент выдает назад то, что я говорил, с пропусками, — и считается, что дело сделано. А реально-то ведь передача знаний не самоцель. Знания передаются, чтобы люди умели действовать, причем — в меняющихся практических ситуациях. А между рефлексивным пониманием и действенным пониманием часто огромный барьер, продуцируемый нашей высшей и средней школой. Это, как мы сейчас обычно говорим, вербальное обучение, мы учим болтать, а не действовать, не превращать понимание в действие. И, скажем, проблемы производственной практики, практической подготовки студентов и то внимание, которое этому сейчас уделяется, — все это объясняется различием между чисто рефлексивным пониманием, все время подвязывающим видение ситуации к речи, говорению, и действенным пониманием, которое превращает слова, знаки, знания, которые в них заключены, в способы действия, умение действовать.

Кстати, тут я отвечаю на замечание, которое неоднократно высказывалось. Меня спрашивают, зачем мы устраиваем эту нередко становящуюся скучной игру. Чего проще — взяли бы лекции прочитали, рассказали все это, и здорово. Особенно если лекции будут интересными, с байками. Так все прекрасно! Но дело в том, что такой рассказ и такое слушание создают, как правило, только рефлексивное понимание, а не действенное. Для того чтобы понять что-то по-настоящему, нужно все время переводить это в действие. Толь-

ко тогда, когда человек начинает действовать, он начинает выяснять, адекватно или неадекватно он понял. (Вот здесь я дошел до адекватности.) Потому что в понимании самом по себе нет различия между правильным и неправильным, это различие определяется действием. Действие есть критерий правильности понимания. Если мы учим школьника или студента решать задачи и при этом рассказываем ему нечто — то правильно он понял, если научился решать задачи; а если не научился решать задачи, т.е. переводить все эти тексты в решение задач, то он неправильно понял. Это не значит, что он не понял. Он много чего понял. Но в самом по себе понимании разницы между реальным и фантастическим нет. Эта разница выясняется только тогда, когда мы воплощаем понимание в действие.

(10)

Схема мыследеятельности —
 системно-структурное строение, смысл и содержание
 // Системные исследования. М., 1987
 (Г.П.Щедровицкий. Избранные труды. М., 1995)

Как уже отмечалось, у каждого пояса мД есть своя специфическая действительность, и между этими тремя типами действительности в принципе неверно устанавливать отношения тождества: как правило, они отображают-

ся друг на друга в процессах понимания, интерпретации и рефлексии, и это может делаться каждый раз только за счет переоформления одного в другое. А содержание каждой из этих форм будет появляться в результате вторичной рефлексивной фиксации уже совершенного отображения. <...>

Три названных выше пояса МД – мД, М-К и М, – развертывающихся согласно исходному допущению по горизонтали, связываются и одновременно объединяются в одно системное целое, с одной стороны, за счет уже указанных процессов понимания, а с другой – за счет процессов рефлексии. Процессы рефлексии охватывают и пронизывают все процессы мД, М-К и М; они могут быть представлены на схеме МД вертикальными движениями и переходами и зафиксированы в виде вертикальных связей. Носители рефлексии изображаются на схеме МД зачерненными символами позиционером, а комбинации цифр при каждом таком символе, скажем 1-3, 3-5, 6-4 и т.д., обозначают функциональное место и характер соответствующего акта рефлексии: первая цифра символизирует рефлектируемый процесс в МД, а вторая – тот процесс, в котором находят форму и место для фиксации и выражения рефлексии. Среди прочих могут быть и рефлексивные позиции типа 1-1, 3-3 и т.д., символизирующие, что форму выражения и место фиксации рефлексии ищут в том же процессе МД, который был предметом рефлексии.

Каждый из названных поясов МД, включая понимание и рефлексии, может обособляться от других и выступать в качестве относительно автономной и самостоятельной системы. М может формализоваться, а затем объективироваться и за счет этого целиком отрываться от рефлексии М-К и мД, элиминировать их и становиться особой мыслительной деятельностью по развертыванию чистых форм М, своего рода производством знаково-знаниевых форм, содержательных, но не имеющих смысловой связи с ситуациями М-К и практического мД.

Точно так же М-К может элиминировать свои рефлексивные связи и отношения с мД и М и разворачиваться имманентно только в границах действительности М-К, превращаясь в бездеятельную и безмысленную речь, в чистую игру словами, не организующую и не обеспечивающую ни М, ни мД.

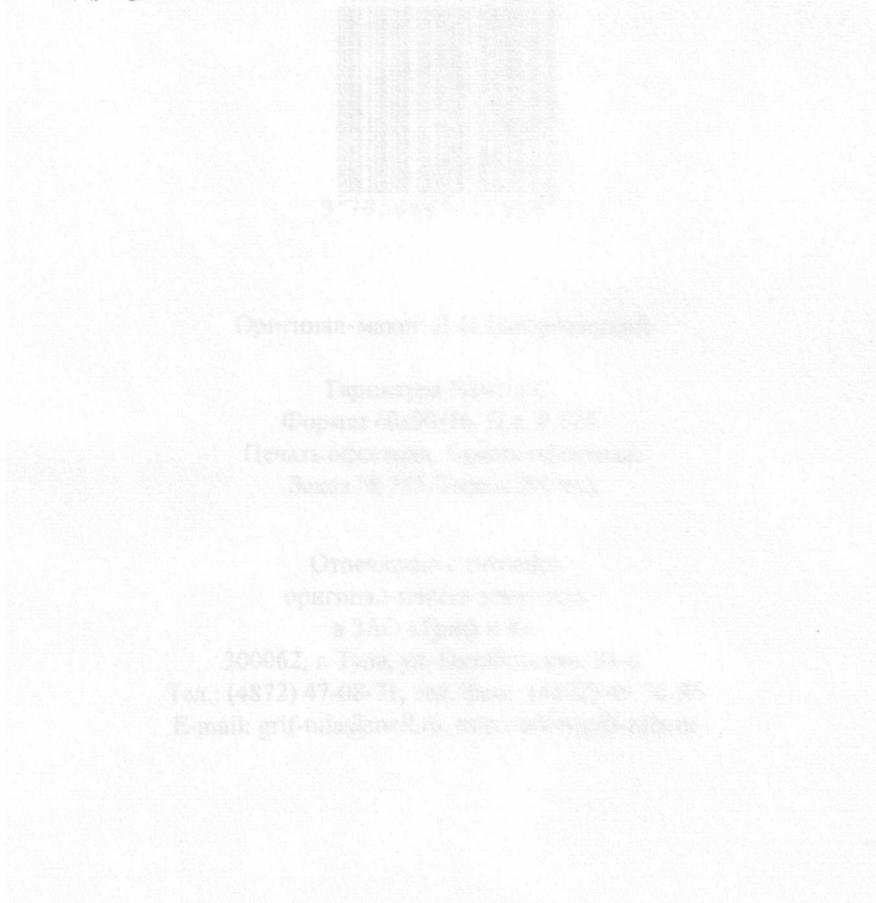
И аналогично этому может сложиться и существовать изолированное мД, оторванное от М-К и чистого М и ставшее в силу этого косным, механическим воспроизводством, лишенным всякой духовности и всех механизмов осмысленного изменения и развития. В каждом из этих случаев мы будем иметь лишь редуцированную и потому вырожденную форму МД. И сколь бы рафинированной и правильной она ни была с точки зрения существующих норм М, М-К или мД, все равно она будет оставаться бездуховной и бессмысленной с точки зрения исторических интересов МД в целом.

Можно предположить, что аналогично могут выделяться внутри МД и обособляться процессы понимания и процессы рефлексии. Первое чаще всего происходит в структурах учебной деятельности, где понимание иногда це-

ликом вытесняет мышление или полностью сливается с ним и оформляется в виде особой и автономной деятельности понимания.

Выделение и самостоятельное оформление рефлексии представляет собой уже патологический случай, когда последовательно появляются сначала рефлексия рефлексии, потом рефлексия третьего порядка, четвертого и т.д. В методологии это называется рефлексивной возгонкой, а в психологии и патопсихологии — персеверацией.

История показывает нам много примеров подобного вырождения МД и вместе с тем демонстрирует целый ряд специальных средств и методов, разработанных для того, чтобы удержать смысловую целостность МД в условиях, когда образующие ее пояса и процессы мД, М-К и М, а также понимания и рефлексии отделялись друг от друга и распались на самостоятельные формы МД, терявшие свою осмысленность, а вместе с тем и духовность.

Научное издание

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции
Вып. 14. М., 2009

ISBN 978-5-86443-156-6

9 785864 431566

Оригинал-макет: Л. П. Щедровицкий

Гарнитура NewtonС.
Формат 60х90/16. П. л. 9, 125.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Заказ № 785. Тираж 200 экз.

Отпечатано с готового
оригинал-макета заказчика
в ЗАО «Гриф и К»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.
Тел.: (4872) 47-08-71, тел./факс: (4872) 49-76-96
E-mail: grif-tula@mail.ru, <http://www.grif-tula.ru>

